

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10029

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РФ И ЕС НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Руслан Салихович Мухаметов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">5 февраля 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">25 апреля 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена изучению «мягкой силы» России в ближнем зарубежье в сравнении с «нормативной силой» Евросоюза. Работа состоит из двух частей. Первый раздел посвящен категориальному осмыслению понятия «мягкая сила». Много внимания уделено ресурсам, производящим «привлекательность». Показано, что не существует универсальных компонентов «мягкой силы». Во второй части работы рассматривается «мягкий» компонент российской внешней политики на постсоветском пространстве. В академических и экспертных кругах существует мнение, что у России «мягкая сила» плохо развита (в сравнении с европейскими государствами). В статье показано, что данный тезис не корректен: российские внешнеполитические нормы и принципы в глазах большинства постсоветских государств выглядят более привлекательными, чем Евросоюза.</p>
<p>Об авторе:</p> <p>доцент, кафедра политических наук</p> <p>e-mail: muhametov.ru@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>Россия; ЕС; «мягкая сила»; «жесткая сила»; внешняя политика; постсоветское пространство; СНГ</p>	

Приоритетным географическим направлением внешней политики России, исходя из Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 года, являются страны СНГ или, как принято говорить, страны ближнего зарубежья. Считается, что все постсоветское пространство составляет зону ее жизненно важных интересов. Эти интересы объективны и обуславливаются географическими, экономическими, историческими, культурными факторами.

Для реализации своих национальных интересов Москва обладает рядом инструментов внешней политики, особое место среди которых занимает «мягкая сила». Прежде, чем перейти к анализу современного состояния российской «мягкой силы» в ближнем зарубежье, необходимо определиться с категориальным аппаратом.

Концепция «мягкой силы» более четверти века является одним из наиболее часто употребляемых понятий во внешнеполитическом дискурсе. Данный термин был

введен в оборот в 1990 году американским политологом-международником Джозефом Наем. Данный термин быстро распространился за пределы страниц политологических журналов и вошел в лексикон правительственных чиновников. С его точки зрения, «мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами¹. В другой работе Дж. Най предлагает несколько иное определение: это сила, которая заставляет других хотеть того же, что и вы, через привлечение, а не принуждение.

¹ Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10. – С. 33-41. [Nye, J. «Miagkaia sila» i amerikano-evropeiskie otnosheniia (Soft Power and US-European Relations) // *Svobodnaia mysl'* – XXI, 2004, No. 10, pp. 33-41.]

Мягкая сила основывается на способности формировать предпочтения других через привлекательность политического лидера, национальной культуры, политических ценностей и институтов, а также политику, которая считается законной или имеющей моральный авторитет².

Однако, как это часто бывает, по мере распространения этого термина его стали трактовать иначе, чем делал автор, и он стал применяться в обстоятельствах, весьма отличных от тех, которые существовали в момент его возникновения. Этому способствовало то, что определение понятия «мягкая сила» у самого Дж. Най носит достаточно широкий характер. Некоторые ученые критикуют концепцию за «отсутствие академической проработанности» и «аналитическую расплывчатость». В этих условиях возникло множество его трактовок. Например, О.Г. Леонова выделяет силовую, влиятельный (инфлюентный), технологический, коммуникативный, конструктивистский, романтический, инструментальный и ресурсный подходы к пониманию сущности³. С точки зрения П.Б. Паршина, в российском внешнеполитическом ведомстве возобладал технологический подход, в то время как позиция Дж. Най – ресурсный подход⁴. Мы разделяем точку зрения исследователя.

Как нам представляется, «мягкая сила» государства – национальные ресурсы, которые способны вызвать чувство симпатии (положительные эмоции) у зарубежной ау-

дитории к государству, а также содействовать межгосударственному сотрудничеству, достижению согласия и снятию сопротивления в отношении спорных вопросов.

Дж. Най разводит «мягкую» и «жесткую» силу. В последнюю он включает использование государством военной силы и экономической мощи для изменения внешнеполитического курса другого государства в нужном направлении. Мы не разделяем данный тезис, т.к. считаем, что один и тот же ресурс может производить как «твердую», так и «мягкую» силу. Например, военные, которые обычно считаются типичным ресурсом «жесткой» силы, могут как принуждать одних лиц, так и привлекать других, когда они принимают участие, например, в миротворческих операциях или оказании помощи при ликвидации стихийных бедствий в других странах. В зависимости от контекста реализации экономическая мощь может быть либо «жесткой», либо «мягкой». Введение торгового эмбарго против некоей страны с целью заставить ее отказаться, например, от создания ОМУ, будет относиться к «жесткой» составляющей. Однако предоставление иностранной помощи для сокращения масштабов нищеты в наименее экономически развитых странах, устранения там угроз безопасности человека (например, болезней), – это совсем другое дело. Государство-донор имеет имидж (или одну из его составляющих) как страны, которая стремится построить более безопасный, более благополучный мир для всех.

Ресурсы «мягкой силы» или, как их иногда называют, источники, – активы, которые «производят привлекательность». К ним можно отнести:

1) внешнеполитические нормы и ценности государства. Например, в странах «третьего мира» многие люди рассматривали СССР как лидера угнетаемых и эксплуатируемых народов, а на Западе видели в советской модели жизнеспособную альтернативу капитализму. Сегодня отстаивание Китаем и Россией примата принципа государственного суверенитета над правами человека делают их естественным выбором для многих авторитарных режимов в поисках иностранных союзников.

² Nye, J. Jr. *Public Diplomacy and Soft Power* // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, pp. 94-109.

³ Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // *Обозреватель-Observer*. – 2015. – № 2. – С. 82-88. [Leonova, O.G. Interpretatsiia poniatiia «miagkaia sila» v nauke (Interpretation of the Concept of «Soft Power» in Science) // *Obozrevatel'-Observer*, 2015, No. 2, pp. 82-88.]

⁴ Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО Университета*. – 2014. – № 2. – С. 16. [Parshin, P.B. Dva ponimaniia «miagkoi sily»: predposylki, korreliaty i sledstviia (Two Understandings of «Soft Power»: Assumptions, Correlates, and Consequences) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, No. 2, p. 16.]

2) модель развития, направление движения государства. Можно обозначить, например, такие модели развития, как «Вашингтонский консенсус» (макроэкономическая политика, которая предполагает либерализацию внешней торговли, снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций, свободный обменный курс национальной валюты, приватизацию и дерегулирование экономики) или «Пекинский консенсус» (это модель политико-экономического развития, состоящий из таких компонентов, как проведение поэтапных реформ, создание государственного капитализма и экспортно-ориентированной экономики, установление авторитарного правления). Последний рассматривается сегодня многими в развивающихся странах в качестве жизнеспособной альтернативы западной модели развития. Во второй половине XX века такой альтернативой был выбор (иногда – не совсем добровольный) социалистического пути. Одними из показателей успешности модели развития являются научно-технологические достижения, а также спортивные победы. Так, успехи советской космической программы, которая вывела в космос первый объект (Спутник в 1957 году) и первого человека в космосе (Юрий Гагарин в 1961 году), доказывали преимущества пути социализма.

Вышеназванные ресурсы являются основой для подражания со стороны других государств. Механизм этого заключается в следующем: если вы успешно выполнили свою работу, то другие, которые делают аналогичную работу, будут стремиться учиться у вас, копировать у вас то, что, по их мнению, лежит в основе вашего успеха. В международных отношениях другие государства могут частично или полностью перенять опыт, политику, институты, идеологию, ценности, способные привести их в ряд успешных (экономически развитых) стран. Другими словами, привлекательность набора ценностей, модели развития могут побудить другую страну подражать из-за ее стремления достичь этих результатов. Сила притяжения может проявляться в стремлении иных стран имитировать определенную политику или подход.

Необходимо отметить ряд моментов. Первый – подражание не всегда автоматически приводит к согласию между государствами. Оно скорее действует против подозрительности и враждебности, способствуя взаимопониманию и сотрудничеству. Второй – данное понимание основано на предположении, что существует связь между привлекательностью и способностью влиять на других в международных отношениях, изменяя внешнеполитический курс государства. Это может быть верным на индивидуальном уровне (в межличностных отношениях), но как это работает в сфере межгосударственных отношений, эта тема дальнейших исследований.

3) культура (кинематограф, музыка, литература, национальная кухня). У некоторых людей просмотр кинопродукции, чтение книг, прослушивание музыкальных произведений вызывает желание и тягу изучить подробнее важные элементы национальной культуры того или иного государства.

4) внешнеполитические действия. Это целенаправленные действия, предпринимаемые государством для формирования положительного имиджа (например, ответственного, миролюбивого члена международного сообщества). Однако эти действия, на наш взгляд, не производят «мягкую силу» напрямую. Они направлены на установление и/или укрепление дружественных отношений, связей взаимопонимания между народами.

К таким внешнеполитическим шагам можно отнести оказание помощи в целях развития (см. *Таб. 1*).

Таблица 1

Топ-3 государств по содействию экономическому развитию

Государства	2015 (в млрд. долл. США)	2014 (в млрд. долл. США)
США	31 793	33 864
Германия	19 641	19 347
Великобритания	18 809	19 917

Table 1. Top 3 countries to promote economic development
 Source: *Development Aid in 2015 Continues to Grow Despite Costs for In-donor Refugees. Mode of access: <http://www.oecd.org/dac/stats/ODA-2015-detailed-summary.pdf>*

С точки зрения политического реализма, иностранная помощь рассматри-

вается как инструмент внешней политики государства, цель предоставления которой состоит в изменении поведения страны-получателя. В такой трактовке она применяется либо для вознаграждения за проводимый внешнеполитический курс, либо в качестве стимула для изменения поведения на международной арене. В данном случае это «жесткая сила». В то же время иностранная помощь может быть использована для завоевания сердец и умов населения, для поддержания дружественных отношений с иностранными правительствами, налаживания сотрудничества.

Другим внешнеполитическим действием является оказание помощи жителям в случае стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций. Как правило, гуманитарные грузы включают набор продуктов, медикаменты, одеяла, гигиенические средства и т.д. Так, например, после цунами декабря 2004 года, в результате ударов которого погибло около 200 тысяч человек в Юго-восточной Азии, Вашингтон предоставил помощь девяти пострадавшим странам на сумму более 840 млн долларов, половину из которых получила Индонезия.

Наконец, можно выделить и посредничество в мирных переговорах. Так, например, Норвегия позиционируется в качестве международного миротворца, посредника в установлении мира. Она берет на себя роль посредника в отдаленных внутригосударственных конфликтах, где она не имеет непосредственного интереса. Так, при посредничестве Норвегии в феврале 2002 года правительству Шри-Ланки и представителям тамильской сепаратистской организации «Тигры освобождения Тамил илама» удалось заключить соглашение о прекращении огня. С того времени широкомасштабные бои между ланкийской армией и «тиграми» в Шри-Ланке не ведутся.

В завершении рассмотрения концепции «мягкой силы», стоит сказать об одной ее особенности – отсутствие универсальных ресурсов. Может получиться так, что какой-то источник мягкой силы оказывает положительное влияние на одни страны, а для вторых – он неприемлем. Например, основные западные ценности (демократия, свобода и

права человека), какими бы привлекательными или даже достойными восхищения они ни были, не обязательно могут быть приемлемыми или достижимыми в других странах.

Таблица 2

Место России в рейтинге The Soft Power 30

Страна	2015	2016	2017	2018
Россия	30+	27	26	28

Table 2. Russia's place in the Soft Power 30 rating
Source: The USC Center on Public Diplomacy. The Soft Power 30 Rating. Mode of access: https://soft-power30.com/country/russian-federation/?country_years=2016%2C2017%2C2018

Переходя от категориального рассмотрения понятия к анализу современного состояния российской «мягкой силы» в целом, то можно констатировать ее низкий уровень (см. Таб. 2). Что касается ближнего зарубежья, то отечественные эксперты (Э. Соловьев⁵, А. Казанцев и В. Меркушев⁶) также высказывают тезис о дефиците и слабости российской «мягкой силы».

Как нам представляется, Россия сохраняет центральное положение аттрактора на пространстве бывшего СССР. Целью данной статьи является обозначение компонентов, которые являются привлекательными для государств СНГ (на 1 декабря 2018 года в эту организацию входят Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан и Узбекистан).

⁵ Соловьев Э. Дефицит «мягкой силы» в российской политике на постсоветском пространстве / Перспективы. http://www.perspektivy.info/book/deficit_magkoj_sily_v_rossijskoj_politike_na_postsovetskom_prostranstve_2009-11-03.htm [Solov'ev, E. Defitsit «miagkoj sily» v rossiiskoi politike na postsovetskom prostranstve (The Deficit of «Soft Power» in Russian Politics in the Post-Soviet Space) / Perspektivy. Mode of access: http://www.perspektivy.info/book/deficit_magkoj_sily_v_rossijskoj_politike_na_postsovetskom_prostranstve_2009-11-03.htm]

⁶ Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. – 2008. – № 2. – С. 122-135. [Kazantsev, A.A.; Merkushev, V.N. Rossiia i postsovetsкое prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniia «miagkoj sily» (Russia and the Post-Soviet Space: Prospects for the Use of «Soft Power») // Polis, 2008, No. 2, pp. 122-135.]

Необходимо отметить, что среди исследований, посвящённых анализу инструментов внешней политики России, особого внимания заслуживают работы М.В. Братерского⁷, Р.С. Мухаметова⁸. Публикации Е. Кузнецова⁹, Ф. Лукьянова¹⁰, В. Петровского¹¹, Г. Филимонова¹² были посвящены общим вопросам теории и практики использования «мягкой силы» в российской внешней политике.

⁷ Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 231 с. [Braterskii, M.V. Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski (Economic Instruments of Foreign Policy and Political Risks). Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE, 2010. 231 p.]

⁸ Мухаметов Р.С. Инструменты внешней политики России: сущность и формы реализации // *Ars Administrandi. Искусство управления.* – 2010. – № 2. – С. 133-139. [Mukhametov, R.S. Instrumenty vneshnei politiki Rossii: sushchnost' i formy realizatsii (Tools of Russia's Foreign Policy: the Essence and Forms of Implementation) // *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniia*, 2010, No. 2, pp. 133-139.]

⁹ Кузнецов Е. «Мягкая сила» России: чего не хватает? // *Россия в глобальной политике. Режим доступа:* <http://globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet-19290> [Kuznetsov, E. «Miagkaia sila» Rossii: chego ne khvataet? («Soft Power» of Russia: What Is Missing?). Mode of access: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet-19290>]

¹⁰ Лукьянов Ф. Парадокс российской «мягкой силы» / Франко-Российский аналитический центр Обсерво. http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf [Luk'ianov, F. Paradoks rossiiskoi «miagkoi sily» (Paradox of Russian «Soft Power») / Franko-Rossiiskii analiticheskii tsentr Observo. Mode of access: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf]

¹¹ Петровский В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // *Международная жизнь.* – 2013. – № 7. – С. 72-84. [Petrovskii, V. «Miagkaia sila» po-russki v poiskakh tochki opory («Soft Power» in Russian in Search of a Fulcrum) // *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2013, No. 7, pp. 72-84.]

¹² Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // *Вестник РУДН. Сер. Политология.* – 2012. – № 1. – С. 67-82. [Filimonov, G. Aktual'nye voprosy formirovaniia rossiiskogo potentsiala «miagkoi sily» (Topical Issues of Formation of the Russian Potential «Soft Power») // *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, 2012, No. 1, pp. 67-82.]

Методологической основой исследования является концепция Джошуа Курлантика, который выделяет в «мягкой силе» два подтипа: высокий, нацеленный на элиты, и низкий, адресованный широкой общественности¹³. Теоретической основой выступили и маркетинговый подход, направленный на удовлетворение нужд и потребностей потребителей. Основная задача маркетинга состоит в выявлении потребностей со стороны потребителей, и предложение им продукта (товара, услуги), который бы закрывал их спрос.

Исходя из вышеназванных теоретических концепций, все факторы внешнеполитической привлекательности России в ближнем зарубежье мы разделим на две категории – для населения и правящих элит этих государств.

Россия продолжает оставаться привлекательной для жителей государств СНГ. Этому есть несколько объяснений.

Первый фактор – экономический. Российский рынок труда дает возможность трудоустроиться в разных отраслях экономики и регионах, получать более высокую, чем у себя на родине, заработную плату (см. *Таб. 3*).

Таблица 3

Экономические показатели государств-членов СНГ

Страны	Объем ВВП в 2017 г. (в млрд.)	ВВП в расчете на душу населения (тыс.)	Средняя зарплата после уплаты налогов (в долл. США)
Россия	4016	10608	615
Казахстан	479	8840	480
Узбекистан	223	1490	235
Белоруссия	179	5760	375
Азербайджан	172	4140	435
Таджикистан	28,4	823	110
Армения	28,3	3860	378
Киргизия	23,0	1143	220
Молдавия	20,1	2279	560

Table 3. Economic performance of CIS member States
Source: International monetary fund Mode of access: <https://www.imf.org>

¹³ Kurlantick, J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power / Policy Brief, No. 47 June, Carnegie Endowment for International Peace. Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/PB_47_FINAL.pdf

Второй фактор – географический. Россия является для большинства стран бывшего Союза ССР ближайшим (в территориальном плане) соседом, занимая на постсоветском пространстве центральное, срединное положение. Географическая близость выражается в наличии общей сухопутной границы (с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Грузией, Азербайджаном).

Третий фактор – транспортный. Удобное для населения стран СНГ географическое положение России (расположение в «сердце» Евразии) сочетается с транспортной доступностью России, т.е. наличием прямого транспортного сообщения. На территорию России можно добираться различными видами транспорта: автомобильным, железнодорожным и авиационным.

Кроме того, сюда стоит добавить и наличие безвизового режима при пересечении государственных границ, разделяющих бывшие республики СССР.

Следующий фактор – языковой. Речь идет о знании русского языка. В сфере образования на русском языке обучаются 75% детей в Белоруссии, 41% – в Казахстане, 23% – в Кыргызстане, 21% – в Молдове, 7% – в Азербайджане, 2% – в Армении¹⁴. Необходимо отметить, что уровень владения русским языком в государствах СНГ разный. Существуют государства, где и уровень владения русским языком, и его статус достаточно высоки (Белоруссия, Казахстан, Киргизия). В то же время можно обозначить ряд стран (Азербайджан, Армения, Узбекистан) с низким уровнем владения, использования и статусом русского языка.

Наконец, социальный фактор. Во многих населенных пунктах стран ближнего зарубежья, особенно это, конечно, касается государств Центральной Азии, в массовом сознании сформировались стереотипы поведения, которые ориентированы на трудовую миграцию в России как стратегию жизнен-

ного успеха. Значительная часть молодых людей, окончив школу, предпочитают поехать на работу в Россию, предпочитая эту стратегию обучению в вузе или в колледже.

Как результат действия этих факторов, Россия входит в топ-3 стран по численности международных мигрантов, является основной страной, принимающей трудовых мигрантов из государств-членов СНГ. Другими словами, абсолютное большинство трудовых мигрантов из рассматриваемых нами стран направляются в Россию (за исключением Молдовы, которые едут в Румынию) на заработки. Таким образом, Россия – привлекательное место работы для граждан государств Центральной Азии, Южного Кавказа в силу доступа к рынку труда. Российский рынок труда позволяет снижать социально-политическое напряжение в странах, что косвенным образом оказывает воздействие на стабильность правящих режимов там.

Россия обладает рядом ресурсов, которые делают ее привлекательной для правящих элит государств-членов СНГ.

Первый ресурс – готовность Москвы платить за пророссийскую интеграционную риторику и практику.

Россия проявляет заинтересованность в укреплении интеграции на постсоветском пространстве. Как написано в российских внешнеполитических документах, «приоритетными направлениями внешней политики... являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием»¹⁵. Эту готовность можно объяснить теорией «кооперативной гегемонии» Т. Педерсена. По его мнению, для создания крупной державы интеграционного объединения с меньшими по объему государствами во главе с собой, необходимо быть готовой к определенным уступкам и тратам¹⁶.

¹⁴ Языковая политика стран СНГ: положение русского языка (Language Policy of the CIS Countries: the Position of the Russian Language). Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/yazykovaya-politika-stran-sng-polozhenie-russkogo-yazyka/>

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. (Foreign Policy Concept of the Russian Federation). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>

¹⁶ Pedersen, T. Cooperative Hegemony: Power,

Реальная политика показывает, что Россия несет основное бремя издержек по развитию интеграции на постсоветском пространстве. Финансовая подпитка идет по нескольким каналам.

Первый – прямое финансирование. Финансовые средства выделяются по линии, как правило, Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР, бывший Антикризисный фонд ЕврАзЭС). Объем взносов стран-участниц в Фонд превышает 8,5 млрд долл., из которых доля России – 7,5 млрд, Казахстана – 1 млрд.

Основным получателем денежных средств данного финансового института является Белоруссия, на ее долю приходится 71% текущего портфеля проектов ЕФСР. Так, например, в 2017 году он выделил 906,2 млн долл. в виде финансовых и инвестиционных кредитов. В виде финансовых кредитов было выдано три транша второго финансового кредита Беларуси на сумму 800 млн долл. США и третий, заключительный, транш финансового кредита Армении на сумму 100 млн долл. США¹⁷.

Как результат, мы видим функционирование на постсоветском пространстве ряда интеграционных объединений (Союзное государство России и Белоруссии, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕАЭС). Мы не утверждаем, что их существование обусловлено исключительно благодаря финансовым вливаниям Москвы (как через многосторонние институты, типа ЕФСР, так и на двусторонней основе, т.е. межгосударственные кредиты), но то, что это оказывает определенное влияние на углубление интеграционного сотрудничества – это вопрос бесспорный.

Второй канал – косвенное финансирование. Речь идет о поставках российских углеводородов по льготным ценам (благодаря отсутствию экспортных пошлин при оформлении поставок). Здесь нужно ого-

вориться, что непосредственные адресаты в рамках этого направления представлены Белоруссией, Арменией, Киргизией, Таджикистаном. Остальные государства (из рассматриваемых) являются нефте- и газодобывающими.

Необходимо сказать, что данный ресурс всегда относили к «жесткой силе». Однако необходимо помнить, что вливания финансовых средств со стороны Москвы стоит рассматривать не как инструмент реализации геополитических интересов (в качестве поощрения участия в интеграционных объединениях), а как форму проявления заботы со стороны ответственного члена международного сообщества, заинтересованного в стабильной социально-экономической ситуации у своих соседей, некоторые из которых могут испытывать определенные трудности с оплатой энергоресурсов по мировым ценам.

Для сравнения: страны, желающие присоединиться к Евросоюзу, должны соответствовать определенным условиям («Копенгагенским критериям»):

- иметь стабильные политические институты, гарантирующие демократию, верховенство закона, права человека, уважение и защиту меньшинств;

- иметь функционирующую рыночную экономику, способную справиться с конкуренцией и рыночными силами в ЕС;

- обладать способностью брать на себя и эффективно выполнять обязательства, связанные с членством, включая приверженность целям политического, экономического и валютного союза¹⁸.

Брюссель, конечно, проводит политику «открытых дверей», но путь этот долгий (у Испании и Португалии он занял 8,5 лет, у Венгрии и Польши – 10, у Болгарии – 11, у Мальты и Кипра – 14) и трудный, требующий от государств-заявителей проведения структурных политических и экономических реформ, сиюминутных издержек.

Второй ресурс – это поддержка в обеспечении легитимности правящих режимов ряда постсоветских государств. Миссия на-

Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*, 2002, Vol. 28, No 4, pp. 677-696.

¹⁷ Евразийский фонд стабилизации и развития. 2017. Годовой отчет (Eurasian Fund for Stabilization and Development. 2017. Annual Report). Режим доступа: https://efsd.eabr.org/upload/iblock/dfc/EABR_AR_2017_EFSD_RU_1_.pdf

¹⁸ European Neighbourhood Policy And Enlargement Negotiations. Conditions for Membership. Mode of access: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en

Таблица 4

Результаты национальных выборов

Страна	Дата выборов	Инкумбент	Доля голосов	Индекс Херфиндаля-Хиршмана	Степень конкурентности
Беларусь	11.10.2015	А. Лукашенко	83,49	7000,6334	выборы с низкой конкурентностью
Азербайджан	11.04.2018	И. Алиев	84,54	7468,2717	выборы с низкой конкурентностью
Казахстан	26.04.2015	Н. Назарбаев	97,75	9558,0642	выборы с условной конкурентностью
Узбекистан	04.12.2016	Ш. Мирзиёев	88,61	7883,1391	выборы с условной конкурентностью

Table 4. Results of the national elections
Source: Official data of Election commissions

блюдателей от СНГ, основной задачей которой является осуществление мониторинга подготовки и проведения выборов на постсоветском пространстве, регулярно характеризует выборы как честные и прозрачные. Анализ заявлений миссий наблюдателей показывает, что они оценивают выборы как открытые, свободные, демократические и конкурентные. Подобные оценки дают и наблюдатели от ШОС. В то же время, если обратиться к объективным показателям и посчитать, например, индекс Херфиндаля-Хиршмана, то выборы в ряде государств СНГ будут весьма далеки от проведения выборов, основанных на принципах демократии (см. Таб. 4).

Европейские государства могут не признать итоги национальных выборов в другом государстве (примеры имеются, хотя и не на постсоветском пространстве), поставить под сомнение их легитимность, если выборы будут оценены как несправедливые (например, из-за недопуска одного из лидеров оппозиции) и/или проведённые с массовыми нарушениями (вбросы бюллетеней, «карусели», недопуск наблюдателей и т.д.). Миссия по наблюдению за выборами Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ может охарактеризовать выборы как несоответствующие демократическим стандартам, сказать, что они «проводились при строгом политическом контроле со стороны властей, а оппозиционные силы не получили равных возможностей для участия в выборах»¹⁹.

Третий ресурс – российские внешнеполитические принципы. Необходимо отметить, что трудно точно определить российские внешнеполитические нормы. В политической системе страны президент может оказывать сильное влияние на внешнюю политику в соответствии с личными убеждениями. Кроме того, продолжается процесс трансформации идентичности России. Как нам представляется, в стране отсутствует консенсус о том, что же такое Россия – Европа, «иная» Европа или не Европа. В результате внешняя политика России характеризуется присущими ей противоречиями и напряженностью. Несмотря на все это, проанализировав российские внешнеполитические документы, программные речи президента и главы МИД РФ, можно обозначить ряд внешнеполитических принципов и норм.

Во-первых, отстаивание принципа невмешательства во внутренние дела государств. Москва исходит из того, что любая смена власти должна происходить в рамках Основного закона страны и действующего законодательства. В российском официальном дискурсе присутствует осуждение неконституционной смены власти, критика организаторов «цветных революций». Москва оказывает моральную, информационную и иную поддержку законноизбранным (легитимным) руководителям государств. Так, например, Россия предоставила убежище Аскарму Акае-

in Uzbekistan Were Held in the Absence of Competition) // ТАСС, 30.03.2015. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1865428>

¹⁹ ОБСЕ: выборы в Узбекистане проходили при отсутствии конкуренции (OSCE: Elections

ву, смещенному с поста президента Киргизии в результате «тюльпановой» революции. После отстранения от власти в результате политического кризиса на Украине 2013-2014 годов бывший президент Украины В.Ф. Янукович живет в России.

Это принцип находит отклик и понимание в ряде столиц государств-членов СНГ. Это обусловлено тем, что Россия и другие государства СНГ находятся на одном уровне демократического развития (см. Таб. 5).

Таблица 5

Уровень развития демократии в странах СНГ

Уровень демократии	2012	2016
Полная демократия Полноценная демократия	–	–
Недостаточная демократия Несовершенная демократия	Молдавия	Молдова
Гибридный режим Переходный режим	Киргизия, Армения	Киргизия
Авторитарный режим	Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан	Армения, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Россия, Таджикистан, Узбекистан

Table 5. The level of development of democracy in the countries of the CIS

Source: The Economist Intelligence Unit.

Democracy Index. Mode of access:

<http://www.eiu.com/topic/democracy-index>

Европейские государства работают не только с официальными властями, но и с институтами гражданского общества, политической оппозицией. Как показывает практика, в моменты политических кризисов («цветных революций») на постсоветском пространстве (Грузия в 2003 году, Украина в 2004 году и 2013-2014 годов, Киргизия в 2005 году) европейские официальные лица и институты вставали на сторону оппозиции, называли итоги выборы сфальсифицированными и требовали повторного голосования на основе транспарентности, честности и т.д.

Во-вторых, отсутствие приоритетности защиты прав человека в теории и практике российской внешней политики. Так, в концепции внешней политики РФ от 2016 года «всесторонняя эффективная защита прав и

законных интересов российских граждан и проживающих за рубежом соотечественников» стоит на восьмом месте среди задач внешнеполитической деятельности РФ. Если говорить о приоритетах России в решении глобальных проблем, то международное гуманитарное сотрудничество и права человека стоят на пятом (предпоследнем) месте. Во внешнеполитических документах написано, что Москва видит свою задачу в том, чтобы добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем диалога и с учетом национальных, культурных и исторических особенностей и ценностей каждого государства. В России считают, что некоторые страны используют правозащитные концепции «в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств, в том числе в целях их дестабилизации и смены законных правительств»²⁰.

Такая позиция Москвы не может не находить сторонников среди лидеров постсоветских государств, чьи политические режимы трудно назвать демократическими. Данная ценность выступает в качестве мягкой силы для политических элит государств с гибридным режимом или авторитарных стран из числа соседей России.

Защита прав человека является приоритетным направлением внешней политики ЕС. Евросоюз позиционирует себя как главного защитника прав человека. Брюссель подтверждает свою приверженность защите всех прав человека и свое стремление способствовать развитию демократии и прав человека с помощью всех своих внешних воздействий. ЕС призывает все страны выполнять положения Всеобщей декларации прав человека, а также ратифицировать и выполнять ключевые международные договоры в этой сфере. В своем сотрудничестве с развивающимися странами Брюссель применяет подход, основанный на правах человека с целью помощи странам-партнерам выполнять свои международные обязательства по соблюдению этих прав. ЕС говорит о

²⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г (Foreign Policy Concept of the Russian Federation). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>

приоритетности прав человека в своих отношениях с другими государствами. Брюссель практикует диалоги и консультации по правам человека с партнерами, а также следит, чтобы эти диалоги приводили к реальным результатам²¹.

Евросоюз стремится закрепить приверженность своим ценностям в двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях со своими партнерами в рамках политики добрососедства, торговых переговорах или помощи в целях развития.

Благодаря тому, что общая внешняя политика Евросоюза основана на вышеназванных принципах, в академической среде стали говорить о «нормативной силе» ЕС²².

В-третьих, суверенитет рассматривается как основа международного сообщества и занимает видное место в российском политическом дискурсе. Москва начала вновь утверждать (иногда агрессивно) автономно в международных делах, настаивая на суверенном праве каждой страны определять свой путь развития с учетом национальных, исторических и культурных особенностей. Брюссель, напротив, выступает за «распространение ответственного государственного управления, оказание поддержки проведению социальных и политических реформ, борьбу с коррупцией и злоупотреблениями властью, утверждение законности и защита прав человека»²³. С их точки зрения, наилучшей защитой их безопасности является мир хорошо управляемых демократических государств.

Наконец, Россия является сторонником многополярного устройства, полицентричной международной системы. Согласно

российской Концепции внешней политики, однополярность «дестабилизирует международную обстановку, провоцирует напряженность и гонку вооружений, усугубляет межгосударственные противоречия, разжигает национальную и религиозную рознь, создает угрозу безопасности других государств, ведет к росту напряженности в межкультурных отношениях»²⁴.

Российская концепция многополярности отличается от европейской многосторонности. Согласно российской идее многополярности, несколько великих держав формируют правила международного общества на международных форумах или на двусторонней основе. Однако для Европы имеет значение не количество полюсов, а тот факт, что международная система регулируется согласованными на многосторонней основе правилами. ЕС выступает за основанный на правилах мировой порядок, заинтересован в продвижении согласованных правил в целях обеспечения глобальных общественных благ, сохранения устойчивого мира во всем мире, сдерживания силовой политики и содействия установлению мирного, справедливого и процветающего мира²⁵.

Необходимо отметить, что в России еще не сформировалась четкая концепция, похожая на дискурс «нормативной мощи» Европы. Тем не менее внешняя политика и России, и ЕС основаны на их собственных нормах, противопоставленных друг другу.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Утверждение о дефиците и слабости российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве, которое возоб-

²¹ Стратегические рамки ЕС по правам человека и демократии (EU Strategic Framework on Human Rights and Democracy). Режим доступа: <http://eurooa.com/europe/eu/1322-strategicheskie-ramki-es-po-pravam-cheloveka-i-demokratii>

²² Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

²³ Безопасная Европа в лучшем мире. Европейская Стратегия Безопасности от 12 декабря 2003 г (A Secure Europe in a Better World European Security Strategy). Режим доступа: <https://docplayer.ru/26336404-Evropeyskaya-strategiya-bezopasnosti-bezopasnaya-evropa-v-luchshem-mire.html>

²⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 (The Foreign Policy Concept of the Russian Federation). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>

²⁵ Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности (Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy). Режим доступа: https://cdn1-eeas.fpfis.tech.ec.europa.eu/cdn/farfuture/Tw-Z27xHuapdiCn1Cn6dGHE2yWdLg hq3eNaQFIGvrd8/mtime:1470408935/sites/eeas/files/feature_eu_global_strategy_full_text.pdf

ладало в экспертных кругах, не совсем корректно. Для большинства государств СНГ Россия сохраняет центральное положение аттрактора. Сравнительный анализ источников «мягкой силы» России и Евросоюза на постсоветском пространстве показывает, что с точки зрения маркетингового подхода, суть которого заключается в выявлении потребностей потребителей и удовлетворения их спроса, уровень «мягкой силы» России по сравнению с Евросоюзом выше благодаря грамотному позиционированию.

Литература:

Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 231 с.

Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // *Полис*. – 2008. – № 2. – С. 122-135.

Косачев К. «Мягкая сила»: актуальные задачи и возможности российской внешней политики // *Международная экономика*. – 2012. – № 6. – С. 4-9.

Кузнецов Е. «Мягкая сила» России: чего не хватает? // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet-19290>

Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // *Обозреватель-Observer*. – 2015. – № 2. – С. 80-89.

Лукьянов Ф. Парадокс российской «мягкой силы» / Франко-Российский аналитический центр Обсерво. http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf

Мухометов Р.С. Инструменты внешней политики России: сущность и формы реализации // *Ars Administrandi. Искусство управления*. – 2010. – № 2. – С. 133-139.

Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // *Свободная мысль* – XXI. – 2004. – № 10. – С. 33-41.

Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО Университета*. – 2014. – № 2. – С. 14-21.

Петровский В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры // *Международная жизнь*. – 2013. – № 7. – С. 72-84. [*Petrovskii, V.* «Miagkaia sila» po-russki v poiskakh tochki opory («Soft Power» in Russian in Search of a Fulcrum) // *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2013, No. 7, pp. 72-84.]

Соловьев Э. Дефицит «мягкой силы» в российской политике на постсоветском пространстве / Перспективы. http://www.perspektivy.info/book/deficit_magkoj_sily_v_rossijskoj_politike_na_postsovetskom_prostranstve_2009-11-03.htm

Филимонов Г. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // *Вестник РУДН. Сер. Политология*. – 2012. – № 1. – С. 67-82.

Kurlantzick, J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power / Policy Brief, No. 47 June, Carnegie Endowment for International Peace. Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/PB_47_FINAL.pdf

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

Nye, J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, pp. 94-109.

Pedersen, T. Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*, 2002, Vol. 28, No. 4, pp. 677-696.

References:

Braterskii, M.V. Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski (Economic Instruments of Foreign Policy and Political Risks). Moscow: Izdatel'skii dom GU-VShE, 2010. 231 p.

Filimonov, G. Aktual'nye voprosy formirovaniia rossiiskogo potentsiala «miagkoi sily» (Topical Issues of Formation of the Russian Potential «Soft Power») // *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, 2012, No. 1, pp. 67-82.

Kazantsev, A.A.; Merkushev, V.N. Rossiia i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniia «miagkoi sily» (Russia and the Post-Soviet Space: Prospects for the Use of «Soft Power») // *Polis*, 2008, No. 2, pp. 122-135.

Kosachev, K. «Miagkaia sila»: aktual'nye zadachi i vozmozhnosti rossiiskoi vneshnei politiki («Soft Power»: Current Challenges and Opportunities of Russian Foreign Policy) // *Mezhdunarodnaia ekonomika*, 2012, No. 6, pp. 4-9.

Kurlantzick, J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power / Policy Brief, No. 47 June, Carnegie Endowment for International Peace. Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/PB_47_FINAL.pdf

Kuznetsov, E. «Miagkaia sila» Rossii: chego ne khvataet? («Soft Power» of Russia: What Is Missing?). Mode of access: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet-19290>

Leonova, O.G. Interpretatsiia poniatii «miagkaia sila» v nauke (Interpretation of the Concept of «Soft Power» in Science) // *Obozrevatel'-Observer*, 2015, No. 2, pp. 80-89.

Luk'ianov, F. Paradoks rossiiskoi «miagkoi sily» (Paradox of Russian «Soft Power») / *Franko-Rossiiskii analiticheskii tsentr Observo*. Mode of access: http://obsfr.ru/fileadmin/Projets_obs/RIS_ru_Loukianov.pdf

Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40, No. 2, pp. 235-258.

Mukhametov, R.S. Instrumenty vneshnei politiki Rossii: sushchnost' i formy realizatsii (Tools of Russia's Foreign Policy: the Essence and Forms of Implementation) // *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniia*, 2010, No. 2, pp. 133-139.

Nye, J. «Miagkaia sila» i amerikano-evropeiskie otnosheniia (Soft Power and US-European Relations) // *Svobodnaia mysl'* – XXI, 2004, No. 10, pp. 33-41.

Nye, J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, pp. 94-109.

Parshin, P.B. Dva ponimaniia «miagkoi sily»: predposylki, korreliaty i sledstviia (Two Understandings of «Soft Power»: Assumptions, Correlates, and Consequences) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, No. 2, pp. 14-21.

Pedersen, T. Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*, 2002, Vol. 28, No. 4, pp. 677-696.

Petrovskii, V. «Miagkaia sila» po-russki v poiskakh tochki opory («Soft Power» in Russian in Search of

a Fulcrum) // *Mezhdunarodnaia zhizn*, 2013, No. 7, pp. 72-84.

Solov'ev, E. Defitsit «miagkoi sily» v rossiiskoi politike na postsovetском prostranstve (The Deficit of «Soft Power»

in Russian Politics in the Post-Soviet Space) / *Perspektivy*. Mode of access: http://www.perspektivy.info/book/deficit_magkoj_sily_v_rossijskoj_politike_na_postsovetском_prostranstve_2009-11-03.htm

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10029

COMPARATIVE ANALYSIS OF «SOFT POWER» OF RUSSIA AND THE EU IN THE POST-SOVIET SPACE

Ruslan S. Mukhametov

*The Ural Federal University
named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">05.02.2019</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">25.04.2019</p>	<p>Abstract: The article is devoted to the study of the «soft power» of Russia in the near abroad in comparison with the «normative power» of the European Union. The work consists of two parts. The first section is devoted to the categorical understanding of the concept of «soft power». Much attention is paid to the resources producing «attractiveness». It is shown that there are no universal components of «soft power». The second part of the paper deals with the «soft» component of Russian foreign policy in the post-Soviet space. In academic and expert circles, there is an opinion that Russia's «soft power» is poorly developed (in comparison with European countries). The article shows that this thesis is not correct: Russian foreign policy norms and principles in the eyes of the majority of post-Soviet States look more attractive than the European Union.</p>
<p>About the author: Associate Professor, Department of Political Science</p> <p>e-mail: muhametov.ru@mail.ru</p>	
<p>Key words: Russia; EU; «soft power»; «hard power»; foreign policy; post-Soviet space; CIS</p>	

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Сравнительный анализ «мягкой силы» РФ и ЕС на постсоветском пространстве // *Сравнительная политика*. – 2019. №3 – С. 46-57.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10029

For citation: Mukhametov, Ruslan S. Sravnitel'nyy analiz «myagkoy sily» RF i YES na postsovetском prostranstve (Comparative Analysis of «Soft Power» of Russia and the EU in The Post-Soviet Space)// *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 46-57.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10029